

А.Н. Закатов

Социокультурный суверенитет исторических институций: истоки и современность

В статье рассматриваются проблемы в толковании термина «самодержавие» и обосновывается понятие «социокультурного суверенитета» исторических институций в современных условиях.

Ключевые слова: самодержавие, социокультурный суверенитет, исторические институции, Российский императорский дом Романовых, Русская православная церковь, традиционные конфессии, верховная власть, авторитетность.

Рассматривая современную роль исторических институций, то есть корпораций, имеющих несомненную преемственность с момента своего возникновения и осуществляющих деятельность по своим внутренним историческим законам, мы приходим к необходимости дать четкое определение системе традиционных и правовых установлений, обеспечивающих сохранение этих корпораций независимо от перемен в их государственно-правовом статусе.

До революции 1917 года в Российской империи существовала православная самодержавная наследственная монархия. Православная кафедральная греко-российская церковь являлась государственной. В то же время, императорская власть с уважением относилась к установлениям других религий. Эта религиозно-политическая система, естественным образом оставившая существенный след в бытии Российского императорского дома Романовых, Русской православной церкви и других традиционных конфессий, продолжающих после свержения монархии и отделения церкви от государства свою деятельность в принципиально новых условиях, часто именуется «царским самодержавием».

К сожалению, нередко при анализе самодержавия допускаются размытые или поверхностные определения, приводящие к последующим концептуальным ошибкам.

Первая неточность содержится в отождествлении единодержавия и самодержавия. Здесь смешиваются понятия «кто» и «как».

Единодержавие (единовластие) — это буквальный перевод слова «монархия». Оно означает, что власть принадлежит одному, то есть указывает **тип** власти.

Самодержавие — это перевод слова «автократия», обозначающее самодостаточность, самостоятельность и независимость власти, то есть ее **качество**. Синонимом «самодержавия» является термин «**суверенность**». Любая верховная власть (полития (демократия), аристократия или монархия) «едина, постоянна, непрерывна, державна, священна, ненарушима, безответственна (коммент. 1), везде присуща и есть источник всякой государственной власти», следовательно, обязательно **самодержавна, суверенна**. «Эта полнота власти называется иногда абсолютизмом государства в отличие от абсолютизма князя. В самодержавных правлениях монарх потому имеет неограниченную власть, что он единственный представитель государства как целого союза. Но и во всяком другом образе правления верховная власть точно так же неограниченна. <...> Это полномочие неразлучно с самым существом государства», — писал Б.Н. Чичерин [8, с. 60—61].

В свете сказанного становится понятно, что если монархия (монархия) является делегированной или вассальной, то это единодержавие, но оно не самодержавно (коммент. 2).

С другой стороны, любая форма поликратии, если она не имеет внешних ограничений, самодержавна.

Понимание под словом «самодержавие» не качества, а типа власти стало обиходным из-за созвучия со словом «единодержавие». Эта вольность имеет право на существование в публицистике и пропаганде (как монархической, так и антимонархической). Но при научном рассмотрении подобное смешение не только неуместно, но и недопустимо (коммент. 3). Концептуально ошибочны и безосновательны утверждения, приведенные в статье газеты «Право» (1906, № 7), вроде: «...то значение, которое слово “самодержавие” имеет в статье 4, определяется не тем, как его понимал Иоанн Грозный, или даже не тем, как в своих литературных произведениях его толковал Сперанский. Это слово есть **наименование власти** (выделено мной. — А. З.) русского Государя, какою она представляется по Своду законов; и логическое содержание, связываемое с этим наименованием, определяется только одним: действительным содержанием тех прав, которые предоставлены Государю постановлениями действующих законов» [цит. по: 4]; или: «С этого времени Самодержавие, как форма верховной власти в России, окончательно утвердилось» [1, с. 183].

В статье 4 Свода законов вообще нет слова «самодержавие», тем более как «наименования власти русского Государя», а есть прилагательное «самодержавная», относимое к верховной власти. На небрежность толкователей из газеты «Право» был вынужден обратить внимание даже сам

П.Е. Казанский, пытавшийся опереться на высказанное ими мнение: «Выяснить это содержание удается, к сожалению, далеко не всем, и, кстати сказать, именно в этой газете подобное выяснение сделано неудачно» [4].

Самодержавие — это **качество** (коммент. 4), и не может быть одной из «форм» или «наименований» верховной власти (коммент. 5), так как любая верховная власть самодержавна a priori.

С другой стороны, самодержавной может быть не только неограниченная верховная власть. Б.Н. Чичерин, говоря о самодержавии, указывает: «По самому существу этого правления, Монарх держит власть независимо от кого бы то ни было, не как уполномоченный, а по собственному праву. Поэтому он называется Самодержцем. Этот титул присваивается обыкновенно монархии неограниченной, хотя, по смыслу выражения, оно может относиться и к монархии ограниченной, где престол приобретает в силу наследственного права» [8, с. 134]. По утверждению выдающегося русского правоведа, для признания власти самодержавной достаточно независимости ее происхождения (коммент. 6), тогда как объем полномочий носителя такой власти может быть различным.

Эта правовая позиция нередко оспаривается. Наиболее распространенным является мнение о тождестве самодержавия, неограниченности и абсолютизма. В советское время несколько раз устраивались научные дискуссии о характере самодержавия и абсолютизма, но марксистское ограничение свободы выражения мнений сделало эти обсуждения однобокими и малопродуктивными. Однако идеологические штампы того времени овладели сознанием исследователей, и по сей день споры ведутся, главным образом, о том, можно ли между этими понятиями просто поставить знак равенства, не вдаваясь в детали, или самодержавие есть специфическая византийско-русская форма абсолютизма, которая «лучше» либо «хуже» классического абсолютизма Западной Европы.

Мы придерживаемся позиции, что самодержавие не тождественно абсолютизму, хотя у них есть и общие черты. Также мы не можем согласиться с теми, кто, различая самодержавие и абсолютизм, полагает, что самодержавие власти, во всяком случае, предполагает ее обязательную полную и всеобъемлющую правовую неограниченность.

Анализ самодержавия и абсолютизма и их сопоставление позволяет сделать следующие выводы.

Абсолютизм как безусловная, *абсолютно* ничем не ограниченная власть монарха является продуктом смешения монархической системы правления с республиканской. В этом смысле он представляет собою кризис монархии, проявляющийся или как болезнь роста — при эволюции республики в монархию (Рим и Византия), или как разложение — при постепенном распространении в обществе идеи республиканизма в предреволюционные эпохи («просвещенный абсолютизм» европейских монархий в XVIII веке). Абсолютизм проистекает из материализма, игнорирующего (коммент. 7)

религиозный и нравственный компонент монархии и приписывающего ее неограниченности лишь утилитарное значение.

Собственно говоря, «абсолютного абсолютизма» на практике в истории человечества никогда не было, так как даже при господстве абсолютистских теорий на практике продолжали жить религиозные и традиционные представления, а в умах и душах монархов и их подданных не могли полностью исчезнуть такие заложенные в самодержавии ограничители власти, как вера, совесть и ответственность (коммент. 8).

При определении **самодержавия** нужно исходить из этимологии этого слова. Самодержавие, буквально, — это то, что само себя держит. В русском языке глагол «держать» и производные от него имеют множество смыслов. Самодержавная монархия **держит** (имеет) власть, **придерживается** (следует) законам и традициям своего народа, **содержит** вверенную ей миссию в порядке, **поддерживает** «честно и грозно» (по словам царя Ивана IV) авторитет своей страны в мире, **удерживает** (предотвращает) зло и, в отличие от абсолютизма (не говоря уже о тоталитаризме), сама **сдерживается** (самоограничивается).

Самоограничение заложено в природе самодержавия: еще Сократ утверждал, что «только тот, кто научился управлять собой, может повелевать другими и быть государственным мужем». Нравственные идеалы, к которым стремится самодержавный царь, — благочестие, справедливость и милосердие.

Учение о божественном происхождении царской власти, содержащее идеал **благочестия**, ограничивает монарха сознанием ответственности перед Богом.

Справедливость невозможна без самоограничения совестью — внутренним сознанием различия добра и зла.

Милосердие, любовь к соотечественникам как к членам единой семьи не могут существовать без самоограничения, выражаемого в соблюдении принципа законности, в следовании традициям и обычаям своего народа. Религиозному сознанию свойственна идея, что Господь, сотворив Вселенную, установил в ней законы, но никогда без крайней необходимости не действует в земном мире вопреки им. Поэтому земной царь, являясь источником закона, стоит выше него, но, введя закон, в обычных условиях сам его соблюдает (коммент. 9).

Самодержавие, таким образом, подразумевает не неограниченное всевластие, но напротив, самоосознание носителями царской власти своей ограниченности, нерасторжимо связанное с верой в богоустановленность их статуса (коммент. 10).

Самодержавная монархия, кроме свойственных ей самоограничений, имеет, кроме того, как и любая другая власть, множество объективных (не зависящих от нее) ограничений. Это географическое положение страны и связанные с ним климатические условия, это размер территории, это на-

циональный характер народов, это международное положение, это внутри-экономическое состояние и тому подобное.

С точки зрения традиционного понимания царской власти, любые земные ограничения не меняют его онтологии. Законный наследственный монарх может быть ограничен в проявлениях своей власти обстоятельствами или законами (коммент. 11), может быть вообще лишен власти и изгнан, может сам (как всякий человек, будучи несовершеннолетним и грешным) не до конца осознавать свое предназначение и заблуждаться насчет своего места в стране и мире (коммент. 12). Однако даже в самой мрачной для приверженцев идеи царской власти ситуации, самый несовершеннолетний, самый скованный в своих действиях, самый нерешительный и ограниченный во всех отношениях, но законный монарх никогда не перестает быть иконой Небесного Царя, воплощением принципа отцовства и уже в силу этого **удерживающим** (коммент. 13), **самодержавным** в высшем и главном смысле этого слова (коммент. 14).

В опровержение тезиса, что самодержавие и неограниченность власти суть синонимы, достаточно привести статью 1 части 1 тома 1 Свода законов Российской Империи в редакции до 1906 года: «Император Всероссийский есть Монарх самодержавный **и** (выделено мной. — А. З.) неограниченный». Очевидно, что законодатель употребляет два **различных** понятия (это подчеркивает союз «и»), иначе пришлось бы признать, что Свод законов начинался с бессмысленной тавтологии.

После реформ 1905 года формулировка закона изменилась. Отныне соответствующая 4-я статья Свода законов издания 1906 года гласила: «Императору Всероссийскому принадлежит Верховная Самодержавная власть. Повиноваться власти его не только за страх, но и за совесть сам Бог повелевает». Некоторые правоведы считали, что изъятием слова «неограниченный» тогда признавалось ограничение царской власти. Это, конечно, неверно, ибо слово «неограниченный» было просто заменено на слово «верховная». Как уже неоднократно указывалось, верховная власть не может быть ограниченной, иначе она перестает быть верховной. Словосочетание «Верховная Самодержавная» используется исключительно для полной ясности, для усиления восприятия. Указывается и **характер**, и **основное качество** власти, но не в порядке перечисления, а **как единое целое** (коммент. 15).

Слова императора Николая II, сказанные им в 1906 году одной из депутатий: «Самодержавие мое останется таким, каким оно было встарь», — означают, что и сам государь, будучи в этом вопросе консерватором, теоретически признавал, что самодержавие может стать иным, не таким, как «встарь», но просто не считал это своевременным и целесообразным. В 1917 году, отрекаясь от престола, он заповедал своему брату «править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу» [2], то есть признал возможность ограничения самодержавной царской власти.

Анализ явления и его осмысления в историческом развитии позволяет очистить термин от наслоений и искажений смысла и утверждать: самодержавие означает, не более и не менее, самодостаточность, самостоятельность и независимость.

Это умозаключение имеет принципиальный смысл для понимания социокультурной роли Российского императорского дома и статуса его законных глав после революции 1917 года. Революция отняла у них верховную власть, которой присуще самодержавие в политическом, управительном смысле. Но никакая сила не способна лишить их самодостаточности, самостоятельности и независимости, то есть социокультурного самодержавия или, что то же, социокультурного суверенитета.

Именно социокультурный суверенитет позволяет императорскому дому сохранять внепартийный, внеклассовый и, в целом, внегрупповой статус не только во время обладания властью, но и в качестве отстраненной от власти исторической институции. Этот статус дает ему возможность в любых условиях исполнять арбитражную, интеграционную функцию.

Начальник Канцелярии его императорского величества Г.К. Граф в своей переписке с видным деятелем русского легитимистского движения в Китае М.В. Олсуфьевым, разъясняя трактовку сути самодержавия/суверенитета императором в изгнании Кириллом Владимировичем в современных условиях, писал: «Современный монарх проявляет свое “самодержавие” именно в форме высшего арбитража во всех проявлениях жизни страны. <...> Для лиц, которые видят в самодержавии узкое сосредоточение, как Вы пишете, политического капитала в руках монарха, это слово или нравится, или коробит, для тех же, которые под ним понимают сосредоточение главного руководства жизнью страны, оно должно быть понятно» [5]. Эти слова были написаны в то время, когда императорский дом не исключал восстановления в России монархии в обозримом будущем, поэтому речь, в первую очередь, шла о государственном арбитраже. Но они в полной мере касаются и социокультурного арбитража, идея которого постепенно созрела за период пребывания императорского дома в изгнании.

Самодостаточность (авторитетность) носителей идеала царства заключается в том, что их статус не зависит от внешних обстоятельств, чьего бы то ни было признания или непризнания и т. п. Под словом «авторитетность» в обиходной речи иногда подразумевают популярность, что онтологически неверно. Авторитетность — это как раз способность сохранять статус и влияние независимо от того, как к данному объекту или явлению относятся на конкретном отрезке времени. Это — истинная ценность объекта или явления, определяемая, в рассматриваемом нами случае, их историческим социокультурным происхождением и бытием (коммент. 16).

Обоснованием самодостаточности положения носителей идеала царства для них самих и для их единомышленников является вера в Боже-

ственную санкцию, династическое законодательство, регламентирующее наследование главенства в царственных домах, и связанная с этими факторами историческая преемственность.

Из самодостаточности проистекает **самостоятельность и независимость** носителя идеала царства. Иногда приходится встречаться с употреблением по отношению к главам династий, принявшим титул короля или императора в изгнании (коммент. 17), прилагательного «самопровозглашенный» с негативным оттенком. Если это может иметь место в политической полемике, то с точки зрения научной оценки — бессмысленно. В истории дома Романовых (как и в большинстве прочих династий) не было ни одного «несамопровозглашенного» государя, кроме призванного на престол основателя династии Михаила I, так как закон накладывал обязанность провозгласить о начале нового царствования именно нового монарха, наследующего предыдущему в силу самого закона о наследии, не требующего никакой дополнительной санкции (коммент. 18). Тем более, в условиях изгнания просто не может существовать иное лицо или учреждение, которое объявляет о вступлении в права главы династии, кроме него самого. Любой глава династии является императором или королем **де юре**. Принимать или не принимать высший исторический титул — это его право, опять же ничем и никем не связанное. Принятие титула необязательно связано с политическими намерениями и является, в большей степени, событием культурного порядка.

Самодостаточность, самостоятельность и независимость (социокультурный суверенитет) присущи историческим институциям (церкви, традиционным религиям, царственным династиям). Их внутренний статус не делегирован никакой иной властью, кроме признаваемой ими вневременной власти Бога. Но это отнюдь не означает, что они тем самым ставят себя вне правового поля республиканского и светского государства.

Разумеется, если между этими институциями и государством существует конфронтация, в правовой и практической сферах имеет место взаимное игнорирование. Историческая институция, в большинстве подобных случаев, вообще находится вне зоны данного государства, так как ее существование на его территории невозможно, а государство отрицает факт существования исторической институции или считает ее враждебной и незаконной с точки зрения действующего в стране законодательства (коммент. 19).

Если же эти институции состоят в официальных взаимоотношениях с государством или, по крайней мере, со стороны государства к ним проявляется нейтральное или доброжелательное отношение, их социокультурный суверенитет признается в границах их социокультурной системы. Государство не вмешивается во внутренние дела указанных исторических институций (коммент. 20), а исторические институции соблюдают действующее законодательство государства.

Социокультурный суверенитет исторических институций не только не противоречит действующему праву современных демократических государств, но наоборот, укрепляет государственность поддержанием преемственности в истории и содействует совершенствованию гражданского общества (коммент. 21).

Комментарии

1. С юридической точки зрения.

2. Например, великие князья Владимирские и Московские, а также другие государи из дома Рюриковичей в период монголо-татарского владычества были единодержавны, но не самодержавны.

3. Чтобы глубже понять разницу, укажем, что словосочетания «единодержавный монарх», «единодержавная монархия» представляют собою бессмысленную тавтологию, в то время как выражения «самодержавный монарх», «самодержавная монархия» наполнены правовым, религиозным и культурным смыслом.

4. Характерно разъяснение, прозвучавшее из уст главы дома Романовых: «Наиболее спорным и не всегда понятным для современного человека является [понятие] “самодержавие”. Из-за политической пропаганды под этим словом стали подразумевать вседозволенность и неподконтрольность власти. На самом деле, лучшие мыслители и правоведы трактуют самодержавие, прежде всего, как суверенитет и независимость. Полагаю, что во избежание разночтений в наше время лучше использовать термин “суверенитет”. Власть, во всей своей полноте, обязана быть суверенной или, как говорили прежде, самодержавной. А вот как распределяются полномочия внутри общей государственной власти, в ком персонифицируется верховная власть — это зависит от эпохи и обстоятельств. Полномочия монарха, президента, парламента, правительства, армии, органов прямой демократии, различных элит могут сужаться, могут расширяться, могут изменяться по форме. Самое главное, чтобы власть всегда была суверенной, зависела только от народа своей страны и служила его интересам» (*Крылов-Толстикович А.Н.* Великая княгиня Мария Владимировна: «Политика — это искусство компромиссов» // *Российские вести.* 2012. 9—15 февраля. № 4 (2078)).

5. Это подтверждает также и текст присяги на верность подданства императору, содержащей обещание «все к высокому Его Императорского Величества **самодержавству, силе и власти** (выделено мной. — А. З.) принадлежащие права и преимущества, узаконенные и впредь узаконяемые, по крайнему разумению, силе и возможности предостерегать и оборонять». Самодержавство (архаичная форма слова «самодержавие») здесь приводится в одном ряду с такими качествами, присущими государю, как сила и власть. На современном языке это можно было бы выразить: «самостоятельности (независимости), силе и власти».

6. Высшая форма независимости монархической власти достигается только путем законной наследственности, так как она устраняет элемент любого произвола и внешнего вмешательства.

7. Если не декларативно, то по сути.

8. Когда Людовик XIV — это, как принято считать, живое воплощение абсолютизма — произнес свою знаменитую фразу: «Государство — это я», — он имел в виду совсем не то, что узко, в отрыве от исторического контекста, обычно вкладывают в его блестящий афоризм. Король-Солнце, скорее, имел в виду, что каждый правитель (но, развивая мысль, можно сказать, что и подданный точно также) не может **отделять** себя от государства, что нет интересов государства, отдельных от интересов людей, что государство — это не всепожирающий Левиафан, не Молох, а средство для организации жизни человека и человечества. О том, как понимал абсолютный монарх ограниченность своей власти, свидетельствует, например, официально опубликованный в 1667 году по его повелению трактат «О правах Христианнейшей Королевы на различные государства испанской монархии», где недвусмысленно говорится: «Короли имеют счастливую невозможность совершить что-либо вопреки законам своей страны». «Это подчинение своих обещаний закону или (подчинение) своих законов правосудию не является несовершенством или слабостью верховной власти. Необходимость вершить добро и невозможность впасть в заблуждение служат высшим степеням всякого совершенства». «Сам Бог не может большего (т. е. не может творить зло и беззаконие. — А. З.), а Государи, как воплощение Бога на земле, должны в особенности подражать в своих государствах такому Божественному бессилию» (*Traite des droits de la Reine tres cretienne sur divers Etats de la monarchie d'Espagne. Paris, 1667*).

9. «Должен быть один Человек, стоящий выше всего, выше даже Закона», — писал А.С. Пушкин. Надзаконность царя не позволяет превратить закон в гильотину, действующую против создавших его людей. Надзаконный характер монархии должен проявляться в тех случаях, когда закон оказывается в противоречии с правом и справедливостью.

10. Случается, что в научной литературе и публицистике смешиваются не только понятия «самодержавия» и «абсолютизма», но, вместе с ними, и «монархии», «деспотии», «тирании», «диктатуры», «тоталитаризма», «авторитаризма» и т. п. Все эти явления, имеющие между собой принципиальные внутренние и внешние различия, употребляются как синонимы, из-за чего делаются неверные построения и выводы. Следует четко понимать, что монархия, даже абсолютная, а тем более, самодержавная, есть власть, ограниченная религией и опирающаяся на Закон, то есть нравственно-ответственная, в то время как другие формы монархии («тирания», «диктатура») не содержат религиозного обоснования, не связаны законом («тирания») или временно его ограничивают для преодоления кризисов («диктатура»). Тирания со времен Аристотеля **противопостав-**

ляется монархии и царской власти: «Священный долг царей — мощною рукою обуздывать дерзость тиранов», — писал аббат Сугерий в книге «О жизни короля Людовика VI». Диктатура же вообще сопоставима с монархией не в большей степени, чем хирургическая операция с обычным течением жизни. Что касается слова «деспот», то оно просто означает «повелитель». Это один из титулов греческих монархов, ставший «ругательным» так же неоправданно, как термин «царизм» приобрел на бытовом уровне негативный оттенок. «Авторитаризм» (властность, самоутверждение) является определением политического метода, а вовсе не сути и не качества государственного строя. Авторитарным может быть правление не только абсолютного монарха, тирана или диктатора, но и конституционного монарха (напр. король Югославии Александр I или царь Болгарии Борис III), и законно избранного президента демократической республики (например, президент Франции генерал Ш. де Голль или президент Аргентины Х.Д. Перон). «Тоталитаризм» (всеохватность власти, подчинение ей всех проявлений жизни и деятельности граждан) вообще чужд монархии, которая «устраняет любую узурпацию одной отраслью области, принадлежащей по праву естественному другой» (Обращение великого князя Владимира Кирилловича, 15/28 июля 1977 года).

11. Английская монархия, всегда приводимая в пример как классическая конституционная монархия, на самом деле вполне самодержавна, хотя бы уже потому, что не отказалась от принципа божественного происхождения. К тому же собственно Конституции в Великобритании не было и нет, а есть корпус законодательства, начиная с Великой хартии вольностей 1215 года, подобно тому, как было в России до издания Свода законов при императоре Николае I в 1832 году. Полномочия короны, даже после недавних реформ, велики. Согласно сложившейся политической практике, монарх не пользуется многими из этих полномочий, но юридически они сохраняются. Особенности английского самодержавия могут считаться во многом чуждыми православному восприятию царской власти, но отрицать самодержавный характер великобританской монархии несправедливо.

12. Требование от монарха личной святости (к тому же, ложно понимаемой как безгрешность) в качестве необходимого условия его прав на престол, чем грешат некоторые авторы, является абсурдным и может считаться мирским проявлением донатизма — осужденного Церковью учения, требовавшего от христиан абсолютной безупречности и не признававшего членами Церкви мирян и священнослужителей, проявивших человеческие слабости.

13. Религиозное христианское понимание миссии царя как «удерживающего» беззаконие и зло, основанное на словах апостола Павла: «Ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды Удерживающий теперь, и тогда откроется беззаконник, которого Господь Иисус убьет духом уст Своих, и истребит явлением пришествия Своего» (2 Фес. 2, 7—8).

14. Единственной гарантией сохранения царства как социокультурного феномена является династичность и легитимная наследственность, так же как единственным условием возможности существования земной Церкви в любых условиях является сохранение апостольской преемственности.

15. Аналогично употребляется устойчивое выражение «Святая Церковь», хотя с точки зрения христиан Церковь не может не быть святой, иначе это уже не Церковь.

16. Аналогично, например, древнерусская иконопись не утратила своей истинной духовной, исторической культурной и материальной ценности в тот период, когда ее варварски уничтожали или распродавали за бесценок в период антирелигиозных гонений, и исследователь этой иконописи, оценивая ее, не может быть связан преходящими временными обстоятельствами. Шедевр древнерусской иконописи имеет одинаковую ценность и в костре, и в хлеву, и в частной коллекции, и в музее, и в храме, независимо от чьего бы то ни было отношения.

17. Например, Карл II (Англия), Людовик XVIII, Генрих V (Франция), Кирилл I (Россия), Отто I (Австро-Венгрия), Лека I и Лека II (Албания).

18. Статья 53 Свода законов Российской Империи: «По кончине Императора, Наследник Его вступает на Престол силою самого закона о наследии, присвояющего Ему сие право. Вступление на Престол Императора считается со дня кончины Его Предшественника». Де факто эта норма существовала и до издания Акта о престолонаследии императора Павла I и Свода законов.

19. Например, положение династий в странах с коммунистическими режимами; положение религиозных организаций в Албании в период «тотального атеизма» 1969—1991 годов.

20. В каноническое право Церкви, в династическое законодательство царственных династий.

21. Например, в Преамбуле Конституции России содержится положение, что народ принял ее (Конституцию), «чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость». Внутренние законы и традиции исторических институций, обеспечивающие их социокультурный суверенитет (каноническое право Русской православной церкви, фамильное законодательство Российского императорского дома), действуют не только не вопреки Конституции, но, наоборот, конкретизируя и развивая вышеуказанное положение ее Преамбулы, а также статьи 44: «3) Каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры».

Литература

1. *Боханов А.Н.* Самодержавие. М.: Русское слово, 2002. 352 с.
2. Вестник Временного Правительства. 1917. 5 марта, № 1 (46). ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2101-6, л. 1. 5.

3. *Градовский А.Д.* Начала русского государственного права. СПб, 1875. Т. 1.
4. *Казанский П.Е.* Власть Всероссийского Императора. М., 1999. С. 401.
5. Письмо Канцелярии Е.И.В. № 1569, 10 октября 1934 г. М.В. Олсуфьеву (Китай). АРИД. Ф. 8. Оп. 1. Д. 119.
6. *Сокольский В.В.* Русское государственное право. Одесса, 1890.
7. *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. СПб, 1992. 680 с.
8. *Чичерин Б.Н.* Курс государственной науки. М., 1894. Т. 1. С. 60—61.